

УДК 130.2

Т. Э. Цветус-Сальхова

ДИСТИНКЦИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕЛО» И «ТЕЛЕСНОСТЬ» В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Что такое «тело» и что такое «телесность»? Анализ развития философских представлений о человеческой телесности. Рассмотрение данных дефиниций с различных ракурсов и разных подходов (гносеологического, онтологического, феноменологического, аксиологического и др.) на протяжении истории культурологических исследований.

Ключевые слова: тело, телесность, феномен телесности.

T. E. Tsvetus-Salkhova

DISTINCTION OF THE CONCEPTS OF «BODY» AND «CORPOREALITY» IN CULTUROLOGICAL RESEARCH

What is the «body» and «corporeality»? Analysis of the development of philosophical ideas about human corporeality. Consideration of these definitions from different perspectives and with different approaches (epistemological, ontological, phenomenological, axiological, etc.) throughout the history of cultural studies.

Keywords: body, corporeality, phenomenon of corporeality.

XX век характеризовался тотальным распространением натуралистических тенденций, которые оказали сильнейшее воздействие на понимание проблемы человека в современном мире. Массовая демократия, по мнению Р. Рорти, усваивает дарвинистский взгляд на человека (рассматривающий его как «сложное» животное), поставив под вопрос целый ряд различий «между когнитивным и не-когнитивным, разумом и страстью, логиками и риториками, истиной и полезностью, философией и софистикой» [цит. по: 1, с. 18]. Разрушение подобных иерархизированных бинарных оппозиций (с приоритетом в сторону когнитивного, духовного) сопровождается все большим интересом к человеческому телу. Необходимость философской рефлексии научных данных о человеческой телесности делает проблему человека во всех многообразных характеристиках его сущности

и существования важнейшим элементом исследовательской деятельности многих гуманитарных дисциплин.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к социокультурным аспектам человеческой телесности, посредством которой в гуманитарных дисциплинах все чаще рассматривается сущность, существование и самоидентификация человека в современном мире.

Сложившаяся классическая традиция разъединения культуры и телесности, разведения внутреннего мира человека и его внешней декларированности уже не в состоянии удовлетворить современное общество ни в практическом, ни даже в теоретическом отношении. Поэтому новые открытия тела в различных областях эмпирического и теоретического знания ставят задачи его философского и социокультурного осмысления, приведения тео-

рии человеческой телесности в целостную систему. Исследователи полагают, что в настоящее время необходим не только дифференцированный анализ тела как объекта и тела как субъекта, но и интегративный анализ совокупности различных его состояний, качеств и способностей, объединенных в понятии телесности. Вследствие чего одной из главных исследовательских проблем является вопрос о способности современной науки раскрыть сущность феномена телесности человека.

Категория телесности стала вводиться, с одной стороны, под влиянием культурологии и семиотики, где обнаружили, что в разных культурах тело понимается и ощущается по-разному, с другой стороны, в результате нового понимания понятий «болезнь», «боль», «организм» и др. (оказалось, что это не столько естественные состояния тела, сколько присваиваемые, формируемые и переживаемые человеком культурные и ментальные концепции). Все эти исследования заставляют развести понятия тела и телесности, связав с последней процессы, понимаемые в культурно-семиотическом и психотехническом залоге. Телесность – это новообразование, конституированное поведением, то, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы (концепта), наконец, это именно телесность, т. е. модус тела [см.: 2].

Следует отметить, что понятие «телесность» в настоящий момент имеет чрезвычайно широкий спектр трактовок. Однако все они, так или иначе, сводятся к определению взаимосвязи телесного и душевного составляющих в человеке. Этот важный аспект дуализма души и тела (субъекта и объекта) являлся в классической философии основополагающим в понимании человеческой сущности, и в западной культуре он до сих пор остается актуальным. Не удивительно, что инерция подобного

противопоставления души и тела, культурного и природного начал, как своеобразных полюсов оппозиции, оказалась присущей и современным наукам, изучающим проблему человека.

Однако такое противопоставление души и тела в современной социокультурной ситуации не является настолько категоричным, как это было в прошлом. Дело в том, что в условиях секуляризированной культуры классическое разделение культурного времени души и физического времени тела, их субстанциальное различие выявило свою несостоятельность. Эти два понятия обрели равноправность, взаимную суверенность и нашли консенсус в разрабатываемой универсальности телесного [3, с. 41–42].

Современная философская рефлексия телесности склоняется к рассмотрению ее в качестве особого типа целостности человека, имеющей особую бытийственность и пространственные измерения. При этом телесность понимается не как объект, не как сумма органов, а как особое образование – неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления. В проблемное поле современного философского анализа данной проблемы входят вопросы о границах телесности и человеческого тела, диалектики внешнего и внутреннего уровней телесности, свободы и детерминированности телесной организации человека в разных типах культур.

Наличие в культуре понятия «тело», пишет в Новой философской энциклопедии П. Д. Тищенко, «свидетельствует о состоявшейся категоризации бытия на “внешнее” и “внутреннее” – то, что открыто взгляду (явлено) в вещах и человеке, и невидимое – потустороннее, сферу идеальных сущностей и т. д.» [4, с. 28].

Однако «современный постмодернизм (М. Фуко, Ж. Л. Нанси, Ж. Деррида

и др.), – как бы в логике контрапункта отмечает А. П. Огурцов, – выдвинув программу деперсонализации субъекта, обратил внимание на сопряженность чувственности и мысли, на телесность сознания, которая не позволяет использовать оппозицию “внешнее-внутреннее” и апеллирует к аффективным сторонам человеческого бытия, прежде всего к сексуальности и негативным аффектам (садомазохизму, жестокости и др.)» [5, с. 28]. «Тело-без-органов, – объясняет В. А. Подорога, – это не тело-объект, если оно и существует, то по другую сторону от общепринятого представления о телесной реальности, вне собственного образа и телесной схемы (пространственно-временных и топологических координат), вне анатомии и психосоматического единства» [6, с. 29]. Но можно ли помыслить «телесность сознания» или «тело-без-органов» «вне анатомии и психосоматического единства»?

Несмотря на то что по-прежнему отсутствует единая терминология для более точной передачи смыслового наполнения понятий «тело» и «телесность», их разведение, сложившееся в научном языке сравнительно давно, имеет крайне принципиальное значение, как в онтологическом, так и в гносеологическом (методологическом) контексте.

В онтологическом смысле их отличает друг от друга, так сказать, мера «жизненности». Под «телом», как правило, подразумевают, прежде всего, физический объект, не обладающий субъектностью и лишенный духовности. Человеческая «телесность» понимается как одухотворенное тело, являющееся результатом процесса онтогенетического, личностного роста, а в широком смысле – исторического развития. Другими словами, телесность призвана выразить культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие человеческого существования.

Правомерность такого разделения подтверждается данными исторической лингвистики, выведенными из опыта языковых традиций народов мира. В частности, в минувшие эпохи в русском языке помимо общераспространенного сейчас слова «тело», ныне включающего в себя разное содержание, существовало и другое, ныне вышедшее из употребления слово «тель». Первое, в соответствии с данными В. М. Девишвили и П. В. Жогова, определяло безжизненную материю, а второе – живого, чувствующего человека. Аналогичные примеры обнаруживаются и в других языковых традициях. Так, согласно Т. М. Буюкас, В. А. Михееву и В. В. Летунскому, в немецком языке также существуют два слова: одно из них обозначает физическое тело, которое «имеют» («Körper»), другое – динамическую форму, через которую человек «являет себя» («Leib») [7, с. 6].

В гносеологическом контексте введение понятия «телесность» в научный арсенал имеет методологическое значение. Дело в том, что телесность, теоретически включая в себя два полюса бинарной оппозиции – душу и тело, формирует единое пространство, позволяющее изучать в естественной целостности природные, психологические и социокультурные манифестации человеческой сущности.

По этому поводу В. П. Зинченко замечает: «Для обсуждения путей одушевления тела и овнешнения, “оплотнения” души должно быть привлечено пространство “между”, в котором бы находилось нечто, относящееся в равной степени и к душе, и к телу, но не было бы ни тем, ни другим. Или, точнее, было бы плотью и души, и тела. Живое движение как минимум – посредник между душой и телом» [7, с. 45]. Это пространство «между» – пространство переосмысления, возникновения новых смыслов, пространство, соединяющее противоположности, – есть телесность.

В феноменологическом подходе телесность, как экзистенциальный феномен, как неразличенность «внутреннего» и «внешнего» начал человека, стала предметом мыслительного анализа у Э. Гуссерля, Ж. Батая, А. Арто, С. Беккета, Ж. Делеза, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, М. М. Бахтина, В. А. Подороги, Ж.-Л. Нанси и других авторов. Важным элементом феноменологического метода является качественное различие между проживанием «живого тела» и «анатомического тела»; последнее можно найти только в чисто физическом описании.

Но и здесь феномен человеческого тела интерпретируется по-разному. Э. Гуссерль усиливает и абсолютизирует духовное, субъективное начало, внутреннее чувство «Я», отводя телу роль пассивного начала. М. Мерло-Понти, напротив, абсолютизирует тело и превращает его в универсум – «феноменальное тело», т. е. телесность, которая является смыслопорождающей трансцендентальной формой мира.

М. М. Бахтин посвящает ряд своих работ феноменологии телесного чувства и выделению «внешнего» и «внутреннего» тела. Феноменологическая очевидность выражает, по его мнению, «внутреннее» тело. Для Ж.-П. Сартра и В. А. Подороги телесность, или «плоть», – это некий избыток тела, то, во что оно простирается, чтобы стать материей исполненного желания. «Плоть» актуализируется в результате «касания» (Ж.-П. Сартр) или «взгляда» (В. А. Подорога). В понимании этих авторов телесность («плоть») имеет функциональные, а не анатомические характеристики. «Плоть – это не тело, плоть – это “клеевая прослойка” (Сартр) между двумя телами, образующаяся в результате обмена касаниями, как если бы она могла инкарнировать одну плоть в другую... Плоть проступает на поверхности тела, или, если быть определеннее, плотью можно на-

звать состояние тела, когда она проступает на собственной поверхности» [8, с. 43–44].

Для другого представителя феноменологического подхода – А. Арто ценна идея реальности как перевернутого образа видимости, «внутреннего» тела – как зеркального отражения тела «внешнего». Жизненным идеалом является тайная встреча «внешнего» и «внутреннего» тел, воссоединение мысли и чувства.

Из застывшей схемы, органической оболочки и механизма, описываемого математическим языком, телесность у Ф. Ницше превращается в уникальную совокупность микроскопических отношений сил, энергий, пульсаций, где любой из мельчайших элементов обладает собственной, вполне автономной сферой распределения, специфической перспективой роста, внутренним законом, не подчиненным никаким извне полагаемым целям. Образ телесности наделяется характеристикой внутренней активности, динамичности [9, с. 306].

Наиболее значительные успехи в осмыслении человеческой телесности достигнуты в рамках социокультурного подхода, представители которого рассматривают ее не иначе как продукт развития культуры [10]. В рамках этого направления телесность понимается в качестве социокультурного феномена, определяемого как «преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции» [11, с. 464].

Дело в том, что включение «человека телесного» в социокультурное пространство влечет за собой существенные последствия для его тела, превращающегося из биологического феномена в явление социокультурное, приобретающего, в дополнение к природно заданным атри-

бутам, свойства и характеристики, порожденные социальными и культурными воздействиями.

Тело человека подвергается объективным интенсивным воздействиям со стороны экологических факторов, особенностей образа жизни, социально-экономического уклада и социальных институтов. Таким образом, формируется образ человека в структуре обыденных представлений и специализированного знания, иными словами – телесность.

И. М. Быховская выделяет три ипостаси человеческой телесности – природное, социальное и культурное тела человека. Под «природным телом» ею понимается биологическое тело, подчиняющееся законам существования, развития и функционирования живого организма. «Социальное тело» – результат взаимодействия естественно-данного человеческого организма («природного тела») с социальной средой. И, наконец, «культурное тело» – продукт культуросообразного формирования и использования телесного начала человека, являющийся завершением перехода от «безличных», природно-телесных предпосылок к собственно человеческому, не только к социально-функциональному, но и личностному бытию телесности [11, с. 464–465].

Близкими по своим качественным характеристикам в исследовании человеческой телесности являются также культурно-исторический, информационно-культурологический и ценностный подходы.

Построение моделей телесности в рамках культурно-исторического подхода прослеживается в работах П. Д. Тищенко, П. Фрейнда и других исследователей [см.: 7, с. 139–165]. Различные стадии развития человеческого общества, полагают эти авторы, отмечены специфическими для них идеями, образами и эталонами телесности, которые отражают и культуру эпо-

хи, и ценность самого тела и его взаимоотношения с разумом. Конечно, наиболее яркой естественно-научной репрезентацией проблем тела является физиология, но даже о ней П. Фрейд говорил, как о «социально сконструированной», утверждая, что форма такого конструирования связана с исторически меняющимся контекстом производства и потребления, с отношениями власти и господства.

В этом контексте исследованию процесса формирования категорий «тела» и «телесности» посвящены работы А. А. Тахо-Годи, В. Л. Круткина, В. М. Розина, А. С. Хомякова, Р. Т. Эймса. Вопросы соотношения тела и телесности рассматривают Л. П. Киященко, Л. В. Жарова, Л. И. Анциферова. Проблема телесности находится также в зоне внимания исследователей соотношения биологического и социального, что прослеживается по работам З. К. Бойдулова, Э. Луис, Г. М. Мерабшвили, С. Г. Пилецкой, М. Эстрейя [см.: 7, с. 558–573].

История тела стала предметом пристального изучения во многих отраслях гуманитарного знания и в медицинской антропологии. При этом каждая из теорий очень не похожа по своему содержанию на другую теорию, поскольку в одном случае это история сексуальности (М. Фуко), в другом – история психологии тела (В. Шкуратов), в третьем – это история анатомических и физиологических исследований тела (Г. Глязер). Значительный научный интерес для понимания человеческой телесности представляют исследования по политической антропологии О. Дериси, О. Ю. Рыбакова, С. Эспинозы.

Исследования человеческого тела в медицине, физиологии и других естественных науках способствовали более глубокому постижению биологии человека, обогатили представления о человеке новыми образами, проецируемыми на картину человеческого мира.

Крайне актуальным становится рассмотрение телесности и с точки зрения информационных процессов, чему способствовали открытия в области нейрофизиологии мозга. Подвижное сочетание онтологического и социокультурного оснований телесности обнаруживается в работах, связанных с проблемой человеческого тела в формировании информационной картины мира и осмысления человеческой телесности посредством коммуникаций. Философские исследования природы информации в работах Д. И. Дубровского, В. М. Глушкова, И. Б. Новика, А. Д. Урсула, информационной картины мира в трудах Т. В. Андриянова, А. Д. Гиляровского, С. Нейла, Дж. Росса, Ф. Фейеша, а также информационно-культурологический подход к моделированию социокультурной среды личности в разработках Г. А. Голицына и И. И. Ашмарина открыли новые возможности в осмыслении человеческого тела.

Ряд философов, социологов и культурологов понимают тело человека как первый источник знаков, символов и коммуникации, в частности, М. М. Бахтин, Б. Тернер, К. Г. Юнг с достаточной степенью убедительности обосновали понимание человеческой телесности как знаковой системы. Кроме того, К. Г. Юнг в своих исследованиях пришел к выводу, что телесность человека может включать в себя не только собственное «Я», но и «Я Другого», а также архетипы социального бессознательного [12].

В связи с этим нельзя не упомянуть такое современное направление анализа проблемы, как исследование языка тела и аспектов невербальной коммуникации между людьми, в рамках которого представлены работы З. Фрейда, Р. Бердуайстела, Г. Калеро, Дж. Ниренберга, А. Пиза, Х. Рюкле, Дж. Фаста, Р. Шефлена, Э. Гиденса и А. Лоуэна [см.: 7, с. 608–614]. Телесные переживания и телесная экспрессия

задают условия для различения внешнего и внутреннего языков тела.

Таким образом, телесность человека является многомерной, креативной, целостной информационной системой. Основопологающим принципом целостности человеческой телесности является информационное взаимодействие различных ее уровней (внутреннего и внешнего; биологического, психологического, социального и культурного), позволяющее поддерживать соответствие между внутренними и внешними факторами информации и развитие способности диалога между «внешними» и «внутренними» состояниями тела. Знаки и символы, как знаки внешнего и внутреннего аспектов в пространстве телесности, соединяются в одну языковую структуру.

Социальные и культурные отношения в массе своей проецируются на экран физического тела, т. е. тело человека несет на себе отпечаток как социальных, так и культурно-исторических ценностей. В этой связи становится крайне актуальным изучение аксиологических аспектов телесности в рамках ценностного исследовательского подхода.

Здесь И. М. Быховская предлагает исследование телесности с позиции смысла, с позиции анализа ее ценностного содержания. Предпосылки подобного рассмотрения тела и телесности через призму меры человека содержатся в работах, посвященных проблеме социализации тела, М. М. Бахтина, П. Бергера, Д. Блэкинга, М. С. Кагана, В. Л. Круткина, Т. Лукмана, М. Мосса, Х. Плеснера, П. Д. Тищенко, А. Ш. Тхостова, А. Щюца, М. Фуко, Е. Р. Ярской-Смирновой [см.: 7, с. 236–253].

Необходимо принимать в расчет указанный нами момент, что анализ развития философских представлений о человеческой телесности в историко-философском процессе показал невозможность ее рассмотрения в отрыве от духовности. Этим

как раз объясняется тот факт, что в философии закрепляются категории внешнего и внутреннего бытия человека, достигается осознание человеческой телесности как ценности.

Исследователи полагают, что в настоящее время необходим не только дифференцированный анализ тела как объекта

и тела как субъекта, но и интегративный анализ совокупности различных его состояний, качеств и способностей, объединенных в понятии телесности. Вследствие этого одной из главных исследовательских проблем является вопрос о способности современной науки раскрыть сущность феномена телесности человека.

Список литературы

1. Попова О. В. «Быть телом» или «иметь тело» // Человек. – 2007. – № 7. – С. 18–30.
2. Розин В. М. Как можно помыслить тело человека или на пороге антропологической революции // Antropolog.ru – электронный альманах о человеке. – Электрон. текстовые данные (64 kb). – Режим доступа: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/rozin/rozin8>
3. Румянцев О. Культура как место и время человека // Творение – творчество – репродукция: исторический и экзистенциальный опыт. – СПб., 2003. – С. 30–43.
4. Тищенко П. Д. Тело // НФЭ: в 4 т. – М., 2001. – Т. 4. – С. 28
5. Огурцов А. П. Тело // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина и др. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4.
6. Подорога В. А. Тело-без-органов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина и др. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4.
7. Психология телесности / ред.-сост.: В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. – 731 с.
8. Подорога, В. А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию: материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. – М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с.
9. Ницше Ф. Воля и власть: опыт переоценки всех ценностей. – М.: REEL-book, 1994. – 352 с.
10. Михель Д. В. Тело в западной культуре. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2000. – 171 с.
11. Быховская И. М. Телесность как социокультурный феномен // Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997.
12. Юнг К. Г. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1998. – 368 с.